

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 2**

История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с
древнейших времен. Том 2**

«Public Domain»

1851-1879

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен. Том 2 / С. М. Соловьев — «Public Domain», 1851-1879 — (История России с древнейших времен)

Эта книга включает в себя второй том главного труда жизни С. М. Соловьева – «История России с древнейших времен». Второй том охватывает события от конца правления Ярослава I до конца правления Мстислава Торопецкого.

© Соловьев С. М., 1851-1879

© Public Domain, 1851-1879

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 2. Русь изначальная. От конца правления Ярослава I до конца правления Мстислава Торопецкого. 1054-1228 гг.

ГЛАВА ПЕРВАЯ О КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВООБЩЕ

Завещание Ярослава I. – Нераздельность рода. – Значение старшего в роде, или великого князя. – Права на старшинство. – Потеря этих прав. – Отчина. – Отношение волости младшего князя к старшему

По смерти Ярослава I осталось пять сыновей да внук от старшего сына его Владимира; в Полоцке княжили потомки старшего сына Владимира Святого Изяслава; все эти князья получают известные волости, размножаются, отношения их друг к другу являются на первом месте в рассказе летописца. Какого же рода были эти отношения?

В Западной латино-германской Европе господствовали в это время феодальные отношения; права и обязанности феодальных владельцев относительно главного владельца в стране нам известны; в других славянских странах между старшим князем и меньшими господствуют те же самые отношения, какие и у нас на Руси, но ни у нас, ни в других славянских землях не осталось памятника, в котором бы изложены были все права и обязанности князей между собою и к главному князю; нам остается одно средство – узнать что-нибудь о междукняжеских отношениях, искать в летописях, нет ли там каких-нибудь указаний на эти права и обязанности князей, послушать, не скажут ли нам чего-нибудь сами князья о тех правах, которыми они руководились в своих отношениях.

Общим родоначальником почти всех княжеских племен (линий) был Ярослав I, которому приписывают первый письменный устав гражданский, так называемую Русскую Правду; посмотрим, не дал ли он какого-нибудь устава и детям своим, как вести себя относительно друг друга? К счастью, летописец исполняет наше желание: у него находим предсмертные слова, завещание Ярослава своим сыновьям. По словам летописца, Ярослав перед смертью сказал следующее: «Вот я отхожу от этого света, дети мои! Любите друг друга, потому что вы братья родные, от одного отца и от одной матери. Если будете жить в любви между собою, то бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим. Так живите же мирно, слушаясь друг друга; свой стол – Киев поручаю вместо себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как меня слушались: пусть он будет вам вместо меня». Раздавши остальные волости другим сыновьям, он наказал им не выступать из пределов этих волостей, не выгонять из них друг друга и, обратясь к старшему сыну, Изяславу, прибавил: «Если кто захочет обидеть брата, то ты помогай обиженному».

Вот все наставления, все права и обязанности! Князья должны любить друг друга, слушаться друг друга, слушаться старшего брата, как отца; ни слова о правах младших братьев, об их обязанностях как подчиненных владельцев, относительно старшего как государя всей страны; выставляются на вид одни связи родственные, одни обязанности родственные; о государственной связи, государственной подчиненности нет помину. Любите друг друга и не ссорьтесь, говорит Ярослав сыновьям, потому что вы дети одного отца и одной матери; но когда князья не будут больше детьми одного отца и одной матери, когда они будут двоюродные, троюродные, четвероюродные и т. д. братья, то по каким побуждениям будут они любить друг друга и не ссориться? Когда связь кровная, родственная ослабеет, исчезнет, то чем заменится она? Замены нет, но зато родовая связь крепка: не забудем, что Ярославичи владеют среди тех племен, которые так долго жили под формами родового быта, так недавно стали освобождаться от этих форм. Пройдет век, полтора века, князья размножатся, племена (линии) их разойдутся, и, несмотря на то, все будут называть себя братьями без различия степеней родства; в летописных известиях о княжеских отношениях мы не встретим названий – двоюродный или троюродный брат; русский язык до сих пор не выработал особых названий для этих степеней родства, как выработали языки других народов. Князья не теряют понятия о единстве, нераздельности своего рода; это единство, нераздельность выражались тем, что все князья имели одного старшего князя, которым был всегда старший член в целом роде, следовательно, каждый член рода в свою очередь мог получать старшинство, не оставшееся исключительно ни в одной линии. Таким образом, род князей русских, несмотря на все свое разветвление, продолжал представлять одну семью – отца с детьми, внуками и т. д. Теперь из слов летописца, из слов самих князей, как они у него записаны, нельзя ли получить сведения об отношениях князей к их общему старшему, этому названному отцу? Старший князь, как отец, имел обязанность блюсти выгоды целого рода, думать и гадать о Русской земле, о своей чести и о чести всех родичей, имел право судить и наказывать младших раздавал волости, выдавал сирот-дочерей княжеских замуж. Младшие князья обязаны были оказывать старшему глубокое уважение и покорность, иметь его себе отцом вправду и ходить в его послушаньи, являться к нему по первому зову выступать в поход, когда велит. Для обозначения отношений младших князей к старшему употреблялись следующие выражения: младший ездил подле стремени старшего, имел его господином, был в его воле, смотрел на него.

Но все эти определения прав и обязанностей точно такого же рода, как и те, какие мы видели в завещании Ярослава: младший должен был иметь старшего отцом вправду, слушаться его, как отца, старший обязан был любить младшего, как сына, иметь весь род, как душу свою; все права и обязанности условливались родственным чувством, родственною любовью с обеих сторон, родственною любовью между четвероюродными, например. Но как скоро это условие исчезало, то вместе рушилась всякая связь, всякая подчиненность, потому что никакого другого отношения, кроме родового, не было; младшие слушались старшего до тех пор, пока им казалось, что он поступает с ними, как отец; если же замечали противное, то вооружались: «Ты нам брат старший, говорили они тогда, – но если ты нас обижаешь, не даешь волостей, то мы сами будем искать их»; или говорили: «Он всех нас старше, но с нами не умеет жить». Однажды старший князь, раздраженный непослушанием младших, приказал им выехать из волостей, от него полученных; те послали сказать ему: «Ты нас гонишь из Русской земли без нашей вины... Мы до сих пор чтим тебя, как отца, по любви; но если ты прислал к нам с такими речами не как к князьям, но как к подручникам и простым людям, то делай, что замыслил, а бог за всеми», – и прибегают к суду божию, т. е. к войне, к открытому сопротивлению. В этих словах выразилось ясно сознание тех отношений, каких наши древние князья хотели между собою и своим старшим, потому что здесь они противопоставляют эти отношения другим, каких они не хотят: обращайся с нами, как отец с детьми, а не как верховный владетель с владетелями, подчиненными себе, с подручниками; здесь прямо и ясно родовые отношения противопоставляются

государственным. Так высказывали сами князья сознание своих взаимных отношений; теперь посмотрим, как выражалось понятие о княжеских отношениях в остальном народонаселении, как выражал его летописец, представитель своих грамотных современников. Однажды младший князь не послушался старшего, завел с ним вражду; летописец, осуждая младшего, говорит, что он не исполнил своих обязанностей; но как же понимает он эти обязанности: «Дурно поступил этот князь, – говорит он, – поднявши вражду против дяди своего и потом против тестя своего». В глазах летописца, князь дурно поступил, потому что нарушил родственные обязанности относительно дяди и тестя – и только.

В случаях когда выгоды младших не затрагивались, то они обходились очень почтительно с старшим; если старшин спрашивал совета у младшего, то последний считал это для себя большою честью и говорил: «Брат! ты меня старше: как решишь, так пусть и будет, я готов исполнить твою волю; если же ты делаешь мне честь, спрашиваешь моего мнения, то я бы так думал», и проч. Но другое дело, когда затрагивались выгоды младших князей; если бы старший вздумал сказать: вы назвали меня отцом, и я, как отец, имею право наказывать вас, – то, разумеется, младший отвечал бы ему: разве хороший отец наказывает без вины детей своих? Объяви вину и тогда накажи. Так, узнавши об ослеплении Василька, Мономаха и Святославичи послали сказать Святополку, своему старшему: «Зачем ты ослепил своего брата? Если б даже он был виноват, то и тогда ты должен был обличить его перед нами и, доказав вину, наказать его». Старший раздавал волости младшим; когда он был действительно отец, то распорядился этою раздачею по произволу, распорядился при жизни, завещавал, чтобы и по смерти его было так, а не иначе; но когда старший был только отец названный, то он не мог распоряжаться по произволу, потому что при малейшей обиде младший считал себя вправе вооруженною рукою доставить себе должное; вообще старший не предпринимал ничего без совета с младшими, по крайней мере с ближайшими к себе по старшинству; этим объясняются множественные формы в летописи: *посадили, выгнали* и проч., которыми означаются распоряжения целого рода; обыкновенно старший князь по занятии главного стола *делал ряд* с младшею братьею касательно распределения волостей. Князья собирались также думать вместе о земских уставах определяли известные правила, с которыми должны были сообразоваться в своем поведении. После, когда права разных князей на старшинство запутались, то иногда князья уславливались: если кто-нибудь из них получит старшинство, то должен отдать другому какую-нибудь волость.

Единство княжеского рода поддерживалось тем, что каждый член этого рода, в свою очередь, надеялся достигнуть старшинства и соединенного с старшинством владения главным столом киевским. Основанием старшинства было старшинство физическое, причем дядя имел преимущество пред племянниками, старший брат – пред младшими, тесть – пред зятем, муж старшей сестры – пред младшими шурыями, старший шурин – пред младшими зятьями; и хотя во время господства родовых отношений между князьями встречаем борьбу племянников от старшего брата с младшими дядьями, однако племянники при этом никогда не смели выставить своих родовых прав, и притязания их, основывавшиеся на случайных обстоятельствах, должны были, исключая только одного случая, уступать правам дядей самых младших. Но мы видим иногда, что некоторые князья и целые племена (линии) княжеские исключаются из родового старшинства и это исключение признается правильным. Каким же образом могло произойти подобное явление? Для решения этого вопроса должно посмотреть, каким образом князь достигал старшинства, приближался к нему? Первоначально род состоял из отца, сыновей, внуков и т. д.; когда отец умирал, его место для рода заступал старший брат; он становился отцом для младших братьев, следовательно, его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьям своим, переходили во второй, высший ряд, из внуков в сыновья, потому что над ними не было более деда, старшина рода был для них прямо отец; и точно, дядья называют их братьями; но другие их двоюродные братья оставались по-прежнему внуками малолетними (внук-унук, юнук, малолетний по преимуществу), потому что над ними по-

прежнему стояли две степени: старший дядя считался отцом их отцам, следовательно, для них самих имел значение деда; умирал этот старший, второй брат заступал его место, становился отцом для остальных младших братьев, и его собственные дети переходили из внуков в сыновья, из малолетних – в совершеннолетние, и таким образом мало-помалу все молодые князья чрез старшинство своих отцов достигали совершеннолетия и приближались сами к старшинству. Но случись при этом, что князь умирал, не будучи старшиною рода, отцом для своих братьев, то дети его оставались навсегда на степени внуков несовершеннолетних: для них прекращался путь к дальнейшему движению; отсюда теперь понятно, почему сын не мог достигнуть старшинства, если отец его никогда не был старшиною рода; так понимали князья порядок восхождения своего к старшинству; они говорили: «Как прадеды наши лестницею восходили на великое княжение киевское, так и нам должно достигать его лестничным восхождением». Но когда в этой лестнице вынималась одна ступень, то дальнейшее восхождение становилось невозможным; такие исключенные из старшинства князья считались в числе *изгоев*. Каждый член рода княжеского при известных условиях мог достигать старшинства, получать старший стол киевский, который, таким образом, находился в общем родовом владении; но другие волости оставались ли постоянно в наследственном владении известных племен княжеских, или, соответствуя различным степеням старшинства, переходили к князьям различных племен при их движении к старшинству лестничным восхождением? Для решения этого вопроса посмотрим, как поступали князья вначале, когда различные случайные обстоятельства не нарушали еще чистоты их отношений. Когда умер четвертый сын Ярослава, Вячеслав, княживший в Смоленске, то эта волость не перешла в наследство к его сыновьям, но отдана была братьям пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знак отсутствия наследственности волостей и движения князей из одной волости в другую по старшинству, лестничным восхождением; потом, когда Святослав Ярославич по изгнании брата получил старшинство вместе с главным столом киевским, то следующий по нем брат, Всеволод, княживший прежде в Переяславле, переходит на место Святослава в Чернигов. Известная волость могла сделаться наследственным достоянием какой-нибудь одной княжеской линии только в том случае, когда князь по вышеизложенным причинам терял возможность двигаться к старшинству лестничным восхождением; тогда, получив от родичей какую-нибудь волость, он и потомство его принуждены были навсегда ею ограничиться, потому что переход из одной волости в другую условливался возможностью движения к старшинству, несуществовавшего для изгоев; так образовались особые волости Полоцкая, Галицкая, Рязанская, после Туровская; линия второго Ярославича, Святослава, известная больше под племенным названием Ольговичей, также вследствие известных обстоятельств подверглась было тяжкой для князей участи изгойства, и поэтому самому Черниговская волость принимала было характер особого выделенного княжества, но Ольговичам удалось, наконец, принудить Мономаховичей признать свои права на старшинство, и необходимым следствием этого признания было восстановление родовой общности приднепровских волостей для обеих линий: Ольгович сел в Киеве, а Мономахович – на его место в Чернигове.

Несмотря на то, однако, мы встречаем в летописи слово: *отчина*: князья, не исключенные из старшинства, употребляют это слово для означения отдельных волостей; в каком же смысле они употребляют его? В настоящем ли его смысле, как наследственного владения, или в другом каком-либо? В 1097 году князья, внуки Ярославовы, собрались вместе и решили, чтобы каждый из них держал свою отчину: Святополк – волость отца своего Изяслава – Киев, Владимир Мономах – отцовскую волость – Переяславль, Святославичи – Чернигов; но мы никак не поймем этого распоряжения, если станем принимать слово *отчина* в смысле наследственного владения для одной линии, потому что Киев был столько же отчиною Святополка, сколько и отчиною всех остальных князей: и Всеволод и Святослав княжили в нем; но если здесь Киев называется отчиною Святополка не в смысле наследственного владения исключительно для

него и для потомства его, то не имеем никакого права и Переяславль и Чернигов считать отчинами Мономаха и Святославичей в другом смысле. Еще пример на восточной стороне Днепра: в 1151 году Ольговичи – дядя Святослав Ольгович и племянник Святослав Всеволодович говорят Изяславу Давыдовичу: «У нас две отчины, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда; ты брат, Давыдович, а я Ольгович; так ты, брат, возьми отца своего Давыдово, а что Ольгово, то нам дай, мы тем и поделимся», вследствие чего Давыдович остался в Чернигове, а Ольговичам отдал Северскую область. Но для Святослава Всеволодовича Чернигов был точно так же отчиною, как и для Давыдовича, потому что отец его, Всеволод Ольгович, княжил в Чернигове, и когда Давыдович получил Киев, то Чернигов, отчину свою, уступил Святославу Ольговичу. Итак, что же такое разумелось под отчиною? Отчиною для князя была та волость, которую владел отец его и владеть которою он имеет право, если на родовой лестнице занимает ту же степень, какую занимал отец его, владея означенною волостью, потому что владение волостями условливалось степенью на родовой лестнице, родовыми счетами.

Теперь остается вопрос: в каком отношении находились волости младших князей к старшему? Мы видели, что отношения между старшим и младшими были родовые, младшие князья хотели быть названными сыновьями и нисколько не подручниками старшего, а такое воззрение должно было определять и отношения их к последнему по волостям: не допуская подручничества, они никак не могли допустить дани, как самого явственного знака его, не могли допустить никакого государственного подчинения своих областей старшему в роде князю; последний поэтому не мог иметь значения главы государства, верховного владыки страны, князя всея Руси, который выделял участки земли подчиненным владельцам во временное или наследственное управление. Волости находятся в совершенной независимости одна от другой и от Киева, являются отдельными землями и в то же время составляют одно нераздельное целое вследствие родовых княжеских отношений, вследствие того, что князья считают всю землю своею отчиною, нераздельным владением целого рода своего.

ГЛАВА ВТОРАЯ СОБЫТИЯ ПРИ ЖИЗНИ СЫНОВЕЙ ЯРОСЛАВА I (1054-1093)

Линии Рюрикова рода, Изяславичи и Ярославичи. – Распоряжения последних насчет своих волостей. – Движения Ростислава Владимировича и гибель его. – Движения Всеслава полоцкого и плен его. – Нашествие половцев. – Поражение Ярославичей. – Восстание киевлян и бегство великого князя Изяслава из Киева. – Возвращение его и вторичное изгнание. – Вторичное возвращение Изяслава и смерть его в битве против обделенных племянников. – Характер первых усобиц. – Княжение Всеволода Ярославича в Киеве. – Новые движения обделенных князей. – Усобицы на Волыни. – Борьба с Всеславом полоцким. – Смерть великого князя Всеволода Ярославича. – Печальное состояние Руси. – Борьба с половцами, торками, финскими и литовскими племенами, болгарами, поляками. – Дружина Ярославичей

По смерти Ярослава I княжение целым родом надолго утвердилось в Руси; в то время области, занятые первыми варяго-русскими князьями, разделялись между двумя линиями, или племенами Рюрикова рода: первую линию составляло потомство Изяслава, старшего сына св. Владимира. Мы видели, что этому Изяславу отец отдал Полоцкое княжество, волость деда его по матери Рогволода. Изяслав умер при жизни отца, не будучи старшим в роде, или великим князем, следовательно, потомство его не могло двигаться к старшинству, менять волость и потому должно было ограничиться одною Полоцкою волостью, которая утверждена за ним при Ярославе. Вторую линию составляло потомство Ярослава Владимировича, которое и начало владеть всеми остальными русскими областями. По смерти Ярослава осталось пять сыновей: старший из них, Изяслав, стал к прочим братьям в *отца место*; младшие братья были: Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь; у них был еще племянник Ростислав, сын старшего Ярославича, Владимира; этот Ростислав также вследствие преждевременной смерти отца не мог надеяться получить старшинство; он сам и потомство его должны были ограничиться одною какою-нибудь волостью, которую даст им судьба или старшие родичи. Ярославичи распорядились так своими родовыми волостями: четверо старших поместились в области Днепровской, трое – на юге: Изяслав – в Киеве, Святослав – в Чернигове, Всеволод – в Переяславле, четвертый, Вячеслав, поставил свой стол в Смоленске, пятый, Игорь – во Владимире-Волынском. Что касается до отдаленнейших от Днепра областей на севере и востоке, то видим, что окончательно Новгород стал в зависимости от Киева; вся область на восток от Днепра, включительно до Муррома, с одной стороны, и Тмутаракани, с другой, стала в зависимости от князей черниговских; Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье – от князей переяславских. Мы сказали окончательно, потому что Белоозеро, например, принадлежало одно время Святославу; Ростов также не вдруг достался Всеволоду переяславскому: Ярославичи отдали его сперва племяннику своему, Ростиславу Владимировичу. Так владело русскими областями Ярославово потомство. Но еще был жив один из сыновей св. Владимира, Судислав, 22 года томившийся в темнице, куда был посажен братом Ярославом. Племянники в 1058 году освободили забытого, как видно, бездетного и потому неопасного старика, взявши, однако, с него клятву не затевать ничего для них предосудительного. Судислав воспользовался свободою для того только, чтобы постричься в монахи, после чего скоро и умер, в 1063 году.

Ярослав, завещая сыновьям братскую любовь, должен был хорошо помнить поступки брата своего Святополка и как будто приписывал вражду между Владимировичами тому, что они были от разных матерей; последнее обстоятельство заставило Владимира предпочитать младших сыновей, а это предпочтение и повело к ненависти и братоубийству. Ярославичи были

все от одной матери; Ярослав не дал предпочтения любимцу своему, третьему сыну Всеволоду, увещевал его дожидаться своей очереди, когда бог даст ему получить старший стол после братьев правдою, а не насилеи, и точно, у братьев долго не было повода к ссоре. В 1056 году умер Вячеслав; братья перевели на его место в Смоленск Игоря из Владимира, а во Владимир перевели из Ростова племянника Ростислава Владимировича. В 1053 году умер в Смоленске Игорь Ярославич; как распорядились братья его столом, неизвестно; известно только то, что не был доволен их распоряжениями племянник их, *изгой*, Ростислав Владимирович. Без надежды получить когда-либо старшинство Ростислав, быть может, тяготился всегдашнею зависимо-стью от дядей; он был добр на рати, говорит летописец; его манила Тмутаракань, то застепное приволье, где толпились остатки разноплеменных народов, из которых храброму вождю можно было набрать себе всегда храбрую дружину, где княжил знаменитый Мстислав, откуда с воинственными толпами прикавказских народов приходил он на Русь и заставил старшего брата поделиться половиною отцовского наследства. Заманчива была такая судьба для храброго Ростислава, изгоя, который только оружием мог достать себе хорошую волость и нигде, кроме Тмутаракани, не мог он добыть нужных для того средств. По смерти Вячеслава Ярославичи перевели Игоря в Смоленск, а на его место во Владимир-Волынский перевели племянника Ростислава; но теперь Игорь умер в Смоленске: Ростислав мог надеяться, что дядья переведут его туда, но этого не последовало; Ростислав мог оскорбиться. Как бы то ни было, в 1064 году он убежал в Тмутаракань, и не один – с ним бежали двое родовитых известных людей – Порей и Вышата, сын Остромира, посадника новгородского: Изяслав, оставляя Новгород, посадил здесь вместо себя этого Остромира. Порей и Вышата были самые известные лица; но, как видно, около Ростислава собралось немалое число искателей счастья или недовольных; он имел возможность, пришедши в Тмутаракань, изгнать оттуда двоюродного брата своего, Глеба Святославича, и сесть на его место. Отец Глеба, Святослав, пошел на Ростислава; тот не хотел поднять рук на дядю и вышел из города, куда Святослав ввел опять сына своего; но как скоро дядя ушел домой, Ростислав вторично выгнал Глеба и на этот раз утвердился в Тмутаракани. Он стал ходить на соседние народы, касогов и других, и брать с них дань. Греки испугались такого соседа и подослали к нему корсунского начальника (котопана). Ростислав принял котопана без всякого подозрения и честил его, как мужа знатного и посла. Однажды Ростислав пировал с дружиною; котопан был тут и, взявши чашу, сказал Ростиславу: «Князь! хочу пить за твое здоровье», тот отвечал: «Пей». Котопан выпил половину, другую подал князю, но прежде дотронулся до края чаши и выпустил в нее яд, скрытый под ногтем; по его расчету князь должен был умереть от этого яда в осьмой день. После пира котопан отправился назад в Корсунь и объявил, что в такой-то день Ростислав умрет, что и случилось: летописец прибавляет, что этого котопана корсунцы побили камнями. Ростислав, по свидетельству того же летописца, был добр на рати, высок ростом, красив лицом и милостив к убогим. Место его в Тмутаракани занял опять Глеб Святославич.

Греки и русские князья избавились от храброго изгоя; но когда нечего было бояться с юго-востока, встала рать с северо-запада: там поднялся также потомок изгоя, Всеслав, князь полоцкий, немилостивый на кровопролитье, о котором шла молва, что рожден был от волхвованья. Еще при жизни Ростислава, быть может, пользуясь тем, что внимание дядей было обращено на юг, Всеслав начал враждебные действия: в 1065 году осаждал безуспешно Псков; в 1066 году, по примеру отца, подступил под Новгород, полонил жителей, снял колокола и у св. Софии: «Велика была беда в тот час!» – прибавляет летописец: «и паникадила снял!» Ярославичи – Изяслав, Святослав и Всеволод собрали войско и пошли на Всеслава в страшные холода. Они пришли к Минску, жители которого затворились в крепости; братья взяли Минск, мужчин изрубили, жен и детей отдали на щит (в плен) ратникам и пошли к реке Немизе, где встретили Всеслава в начале марта; несмотря на сильный снег, произошла злая сеча, в которой много пало народу; наконец, Ярославичи одолели, и Всеслав бежал. Летом в июле месяце,

Изяслав, Святослав и Всеволод послали звать Всеслава к себе на переговоры, поцеловавши крест, что не сделают ему зла; Всеслав поверил, переехал Днепр, вошел в шатер Изяслава и был схвачен; Изяслав привел его в Киев и посадил в заключение вместе с двумя сыновьями.

Казалось, что Ярославичи, избавившись от Ростислава и Всеслава, надолго останутся теперь спокойны; но вышло иначе. На небе явилась кровавая звезда, предвещавшая кровопролитие, солнце стояло как месяц, из реки Сетомли выволокли рыбаки страшного уroda: не к добру все это, говорил народ, и вот пришли иноплеменники. В степях к востоку от Днепра произошло в это время обычное явление, господство одной кочевой орды сменилось господством другой; узы, куманы или половцы, народ татарского происхождения и языка, заняли место печенегов, поразивши последних. В первый год по смерти Ярослава половцы с ханом своим Болушем показали в пределах Переяславского княжества; но на первый раз заключили мир со Всеволодом и ушли назад в степи. Ярославичи, безопасные пока с этой стороны и не занятые еще усобицами, хотели нанести окончательное поражение пограничным варварам, носившим название торков; до смерти Ярослава I летописец не упоминал о неприязненных столкновениях наших князей с ними; раз только мы видели наемную конницу их в походе Владимира на болгар. Но в 1059 году Всеволод уже ходил на торков и победил их; потом в 1060 году трое Ярославичей вместе с Всеславом полоцким собрали, по выражению летописца, войско бесчисленное и пошли на конях и в лодьях на торков. Торки, услышавши об этом, испугались и ушли в степь, князья погнались за беглецами, многих побили, других пленили, привели в Русь и посадили по городам; остальные погибли в степях от сильной стужи, голода и мора. Но степи скоро выслали мстителей за торков. В следующий же год пришли половцы воевать на Русскую землю; Всеволод вышел к ним навстречу, половцы победили его, повоевали землю и ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов, говорит летописец. В 1068 году опять множество половцев пришло на Русскую землю; в этот раз все три Ярославича вышли к ним навстречу, на реку Альту, потерпели поражение и побежали: Изяслав и Всеволод – в Киев, Святослав – в Чернигов. Киевляне, возвратившись в свой город, собрали (15 сентября) вече на торгу и послали сказать князю: «Половцы рассеялись по земле: дай нам, князь, оружие и коней, хотим еще биться с ними». Изяслав не послушался; тогда народ стал против тысяцкого Коснячка: воевода городских и сельских полков, он не умел дать им победы; теперь не принимает их стороны, не хочет идти с ними на битву, отговаривает князя дать им оружие и коней. Толпа отправилась с веча на гору, пришла на двор Коснячков, но не нашла тысяцкого дома; отсюда пошли ко двору Брячиславову, остановились здесь подумать, сказали: «Пойдем, высадим своих из тюрьмы», и пошли, разделившись надвое: половина отправилась к тюрьме, а другая – по мосту ко двору княжескому. Изяслав сидел на сених с дружиною, когда толпа народу подошла и начала спор с князем; народ стоял внизу, а Изяслав разговаривал с ним из окна. Как видно, слышались уже голоса, что надобно искать себе другого князя, который бы повел народ биться с половцами, потому что один из бояр – Туки, брат Чудинов, сказал Изяславу: «Видишь, князь, люди взвыли: пошли-ка, чтоб покрепче стерегли Всеслава». В это время другая половина народа, отворивши тюрьму, пришла также ко двору княжескому; тогда дружина начала говорить: «Худо, князь! пошли к Всеславу, чтоб подозвали его обманом к окошку и закололи». Изяслав на это не согласился, и чего боялась дружина, то исполнилось: народ с криком двинулся к Всеславовой тюрьме. Изяслав, увидав это, побежал с братом Всеволодом с своего двора; а народ, выведши Всеслава из тюрьмы, поставил его среди двора княжеского, т. е. провозгласил князем, причем имение Изяслава все пограбили, взяли бесчисленное множество золота и серебра. Изяслав бежал в Польшу.

Между тем половцы опустошали Русь, дошли до Чернигова; Святослав собрал несколько войска и выступил на них к Сновску; половцев было очень много, но Святослав не оробел, выстроил полки и сказал им: «Пойдемте в битву! нам некуда больше деться». Черниговцы

ударили, и Святослав одолел, хотя у него было только три тысячи, а у половцев 12000; одни из них были побиты, другие потонули в реке Снове, а князя их русские взяли руками.

Уже семь месяцев сидел Всеслав в Киеве, когда весной 1069 года явился Изяслав вместе с Болеславом, королем польским, в русских пределах. Всеслав пошел к ним навстречу; но из Белгорода ночью, тайком от киевлян, бежал в Полоцк, вероятно, боясь стать между двух огней, потому что остальные Ярославичи не могли ему благоприятствовать в борьбе с Изяславом. Так, этому чародею удалось только дотронуться копьем до золотого стола киевского, и, «обернувшись волком, побегал он ночью из Белгорода, закутанный в синюю мглу». Киевляне, оставшись без князя, возвратились в свой город, собрали вече и послали сказать Святославу и Всеволоду Ярославичам: «Мы дурно сделали, что прогнали своего князя, а вот он теперь ведет на нас Польскую землю; ступайте в город отца вашего! если же не хотите, то нам нечего больше делать: зажжем город и уйдем в Греческую землю». Святослав отвечал им: «Мы пошлем к брату: если пойдет с ляхами губить вас, то мы пойдем против него ратью, не дадим изгубить отцовского города; если же хочет придти с миром, то пусть приходит с малою дружиною». Киевляне утешились, а Святослав и Всеволод послали сказать Изяславу: «Всеслав бежал; так не води ляхов к Киеву, противника у тебя нет; если же не перестанешь сердиться и захочешь погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола». Выслушавши речи братьев, Изяслав повел с собою только Болеслава да небольшой отряд поляков, а вперед послал в Киев сына своего Мстислава. Мстислав, вошедши в город, велел избить тех, которые освободили Всеслава, всего семьдесят человек, других ослепить, некоторые при этом погибли невинно. Когда сам Изяслав приблизился к городу, то киевляне встретили его с поклоном, и опять сел он на своем столе (2 мая). Поляки Болеслава II подверглись такой же участи, как и предки их, приходившие в Русь с Болеславом I: их распустили на покорм по волостям, где жители начали тайно убивать их, вследствие чего Болеслав возвратился в свою землю. С известием о возвращении Изяслава летописец, по-видимому, связывает известие о том, что этот князь перевел торг с Подола на гору.

Казнивши тех киевлян, которые вывели из тюрьмы Всеслава, Изяслав не медлил вооружиться против последнего: выгнал его из Полоцка, посадил там сына своего Мстислава, а когда тот умер, то послал на его место другого сына, Святополка. Всеслав, сказано в летописи, бежал, но не прибавлено, куда; впрочем, это объясняется из следующего известия, что Всеслав в 1069 году явился перед Новгородом с толпами финского племени води, или вожан, среди которых, следовательно, нашел он убежище и помощь. В это время в Новгороде княжил Глеб, сын Святослава черниговского, которого мы видели в Тмутаракани. Новгородцы поставили против вожан полк, и бог пособил новгородцам: они задали вожанам страшную сечу, последних пало множество, а самого князя Всеслава новгородцы отпустили ради бога. И после этого поражения Всеслав не отказался от борьбы; к храброму князю отовсюду стекались богатыри; он успел набрать дружину, выгнал Святополка из Полоцка и, хотя был побежден другим Изяславичем у Голотичьска, однако, как видно, успел удержаться на отцовском столе. Изяслав завел с ним переговоры – о чем, неизвестно; известно только то, что эти переговоры послужили поводом ко вторичному изгнанию Изяслава, теперь уже родными братьями. Это вторичное изгнание необходимо имеет связь с первым: Изяслав возвратился в Киев под условиями, которые предписали ему братья; в городе не могли любить Изяслава и в то же время не могли не питать расположения к Святославу, который сдержал гнев брата, который с горстью дружины умел поразить толпы половцев, очистить от них Русь. Сын Изяслава, Мстислав, казнил киевлян, освободивших Всеслава, виновных вместе с невинными, но тем дело еще не кончилось; гонения продолжались, и гонимые находили убежище в Чернигове у Святослава. Так св. Антоний, основатель Печерского монастыря, подвергнувшийся гневу великого князя, как приятель Всеслава, был ночью взят и укрыт в Чернигове Святославом. Если бы даже Святослав делал это единственно из любви и уважения к святому мужу, то Изяслав с своей стороны не мог не оскорбиться при-

язнию брата к человеку, в котором он видел врага своего. Эти обстоятельства должны были возбуждать в Святославе властолюбивые замыслы, питать надежду на их успех, а в Изяславе возбуждать вражду к брату; и вот между Ярославичами началась вражда: они не ходят уже вместе в походы, как ходили прежде; Изяслав один воюет с Всеславом, один вступает с ним в переговоры; по самой природе отношений между князьями последний поступок Изяслава должен был возбудить негодование и подозрение в братьях; Святослав начал говорить Всеволоду: «Изяслав сносит с Всеславом, на наше лихо; если не предупредим его, то прогонит он нас», – и успел возбудить Всеволода на Изяслава. Летописец обвиняет во всем Святослава, говорит, что он хотел больше власти, обманул Всеволода; как бы то ни было, младшие братья вооружились против старшего; Изяслав в другой раз принужден был выйти из Киева, где сел Святослав, отдавши Всеволоду Черниговскую волость; что в Киеве все были за Святослава, доказывает удаление Изяслава без борьбы; летописец говорит, что Святослав и Всеволод сели сперва на столе в селе Берестове и потом уже, когда Изяслав выехал из Киева, Святослав перешел в этот город.

Изяслав с сыновьями отправился опять в Польшу; как видно, на этот раз он вышел из Киева не торопясь, успел взять с собою много имения; он говорил: «С золотом найду войско», позабывши слова деда Владимира, что с дружиною добывают золото, а не с золотом дружину. Изяслав роздал польским вельможам богатые подарки; они подарки взяли, но помощи не дали никакой, и даже выслали его из своей страны. Чтоб объяснить себе это явление, мы должны бросить взгляд на состояние западных славянских государств в это время. Мы видели, что вмешательство Болеслава Храброго в дела Богемии кончилось так же неудачно для него, как и вмешательство в споры между русскими князьями. Поляки были изгнаны из Богемии, родные князья – Яромир и Олдрих стали княжить в стране, но недолго княжили мирно. Олдрих, по словам старой чешской песни, был «воин славный, в которого бог вложил и мочь и крепость, в буйную голову дал разум светлый». В 1012 году он выгнал Яромира, за что – не знает ни песня, ни летопись. Императору Конраду II не нравилось, однако, единовластие у чехов: не раз вызывал он Олдриха к себе, и когда тот, наконец, явился к нему, то был заточен в Регенсбург. Яромир начал опять княжить в Богемии сообща с племянником Брячиславом, сыном Олдриховым, а между тем император предложил своему пленнику возвратиться на родину и княжить там вместе с старшим братом; Олдрих присягнул, что уступит брату половину земли, но как скоро возвратился домой, то велел ослепить Яромира. По смерти Олдриха единовластителем земли стал сын его Брячислав I. Мы видели, как этот деятельный князь воспользовался невзгодю Польши по смерти Болеслава Храброго и расширил свои владения на счет Пястов, за что и сльвет восстановителем чешской славы. По смерти Брячислава I в Богемии мы встречаем такие же явления, какие видим и у нас на Руси с того же самого времени, именно с 1054 года, со смерти Ярослава I: мы видим, что и в Богемии начинает владеть целый род княжеский с переходом главного стола к старшему в целом роде. По смерти Брячислава I великим князем, т. е. старшим в роде (*Dux principalis*), становится старший сын его Спитигнев II; остальные Брячиславичи были: Вратислав, Конрад, Яромир и Отгон. Как у нас Ярославичи, так и в Богемии Брячиславичи недолго жили в согласии: второй Брячиславич, Вратислав, должен был сначала искать убежища в Венгрии от преследований старшего брата; однако после, помирившись с последним, возвратился на родину и в 1061 году наследовал в старшинстве Спитигневу. По смерти Вратислава II, по известному обычаю, мимо сыновей его, наследовал старшинство брат его Конрад I, но княжил только восемь месяцев: это был последний из Брячиславичей, и по смерти его, в 1092 году, выступает второе поколение, внуки Брячислава I. В Польше Казимиру Восстановителю (*Restaurator*) наследовал в 1058 году сын его Болеслав II Смелый. За два года перед тем умер император Генрих III; смуты, последовавшие во время малолетства сына и преемника его Генриха IV, потом борьба этого государя с немецкими князьями и с папою надолго освободили Польшу от влияния Империи, и Болеслав Смелый, пользуясь этою свободой, имел

возможность с честью и выгодой для Польши установить свои отношения к соседним странам. Мы видели, что с его помощью Изяслав получил опять Киев; с помощью же Болеслава успел овладеть престолом и венгерский король Бела, сыновья которого удержались в Венгрии также благодаря польскому оружию. С чехами Болеслав вел почти постоянную войну: в то время как наш Изяслав вторично явился к польскому двору (1075 г.), Болеслав воевал с Вратиславом чешским, который находился в тесном союзе с императором Генрихом IV; очень вероятно, что эти обстоятельства не позволяли Болеславу подать помощь русскому князю, который, будучи принужден оставить Польшу, принял совет деда, маркграфа саксонского, и поехал в Майнц просить заступления у врага Болеслава, императора Генриха IV. Таким образом, княжеские междоусобия на Руси доставляли случай немецкому императору распространить свое влияние и на эту страну: но, во-первых, благодаря отдаленности Руси это влияние не могло никогда быть очень сильно; во-вторых, обстоятельства, в которых находился теперь император, были такого рода, что помогли даже и Польше высвободиться из-под его влияния. Приняв от Изяслава богатые дары, Генрих IV послал к Святославу с требованием возвратить Киев старшему брату и с угрозой войны в случае сопротивления. Разумеется, что дело должно было и ограничиться одною угрозою. Летописец говорит, что когда немецкие послы пришли к Святославу, то он, желая похвастать перед ними, показал им свою казну, и будто бы послы, увидав множество золота, серебра и дорогих тканей, повторили старые слова Владимира Святого: «Это ничего не значит, потому что лежит мертво: дружина лучше, с нею можно доискаться и больше этого». Летопись прибавляет, что богатство Святослава, подобно богатству Езекии, царя иудейского, рассыпалось розно по смерти владельца. Из этих слов летописца можно видеть, что современники и ближайшие потомки с неудовольствием смотрели на поведение старших Ярославичей, которые не следовали примеру деда и копили богатства, полагая на них всю надежду, тогда как добрый князь, по господствовавшему тогда мнению, не должен был ничего скрывать для себя, но все раздавать дружине, при помощи которой он никогда не мог иметь недостатка в богатстве.

Если Изяслав обратился за помощью к императору Генриху IV, врагу Болеслава Смелого, то Святослав по единству выгод должен был спешить заключением союза с польским князем, и точно мы видим, что молодые князья – Олег Святославич и Владимир Всеволодович ходили на помощь к полякам и воевали чехов, союзников императорских.

Изяслав, не получив успеха при дворе Генриха, обратился к другому владыке Запада, папе Григорию VII, и отправил в Рим сына своего с просьбою возвратить ему стол властию св. Петра: как в Майнце Изяслав обещал признать зависимость свою от императора, так в Риме сын его обещал подчиниться апостольскому престолу. Следствием этих переговоров было то, что Григорий писал к Болеславу с увещанием отдать сокровища, взятые у Изяслава. Быть может, папа уговаривал также польского князя подать помощь Изяславу против братьев, которую тот, наконец, и действительно подал. Для объяснения этого поступка мы не нуждаемся, впрочем, в предположении о папских увещаниях: есть известие, которое одно объясняет его совершенно удовлетворительно. По этому известию, чешский князь Вратислав, узнав о союзе Болеслава с младшими Ярославичами, о движении Олега и Владимира к чешским границам, прислал к Болеславу просить мира и получил его за 1000 гривен серебра. Болеслав послал сказать об этом Олегу и Владимиру, но те велели отвечать ему, что не могут без стыда отцам своим и земле возвратиться назад, ничего не сделавши, пошли вперед *взять свою честь* и ходили в земле Чешской четыре месяца, т. е. опустошали ее: Вратислав чешский прислал и к ним с предложением о мире; русские князья, взявши свою честь и 1000 гривен серебра, помирились. Нет сомнения, что этот поступок рассердил Болеслава, который потому и решился помочь в другой раз Изяславу. Между тем умер Святослав в 1076 году. Всеволод сел на его место в Киеве зимою, а на лето должен был выступить против Изяслава, который шел с польскими полками; на Волыни встретились братья и заключили мир: Всеволод уступил Изяславу старшинство и

Киев, а сам остался по-прежнему в Чернигове. Помощь поляков не могла быть бескорыстна, и потому очень вероятны известия, по которым Изяслав поплатился за нее Червенскими городами.

Мир между Ярославичами не принес мира Русской земле: было много племянников, которые хотели добыть себе волостей. Всеслав полоцкий не хотел сидеть спокойно на своем столе, начал грозить Новгороду, как видно, пользуясь смертью Святослава и предполагаемую уособицею между Изяславом и Всеволодом. Сын последнего, Владимир, ходил зимою 1076 года к Новгороду на помощь его князю Глебу, без сомнения, против Всеслава. Летом, после примирения и ряда с Изяславом, Всеволод вместе с сыном Владимиром ходил под Полоцк; а на зиму новый поход: ходил Мономах с двоюродным братом своим, Святополком Изяславичем, под Полоцк и обожгли этот город; тогда же Мономах с половцами опустошил Всеславову волость до Одрьска; здесь в первый раз встречаем известие о наемном войске из половцев для междоусобной войны.

На северо-западе нужно было постоянно сторожить чародея Всеслава; а с юго-востока начали грозить новые войны, и не от одних степных варваров, но от обделенных князей, которые приводили последних. Мы видели, что, кроме Владимира новгородского, умерли еще двое младших Ярославичей, Вячеслав и Игорь, оставя сыновей, которым, по обычаю, отчин не дали и другими волостями не наделили; изгой подросли и стали сами искать себе волостей. В то время как Святослав умер, а Всеволод выступил против Изяслава, Борис, сын Вячеслава смоленского, воспользовался удалением дяди и сел в Чернигове; но мог держаться там только восемь дней и убежал в Тмутаракань, где княжил один из Святославичей, Роман. После Святослава осталось пять сыновей: Глеб, Олег, Давид, Роман, Ярослав. При жизни отца Глеб сидел в Новгороде, Олег – во Владимире-Волыньском, Роман – в Тмутаракани, о Давиде неизвестно, Ярослав был очень молод. Роман тмутараканский принял Бориса Вячеславича, но за ним должен был дать убежище и родным братьям, потому что Изяслав не хотел дать волостей детям Святославовым. Глеб был изгнан из Новгорода; Олег выведен из Владимира; Глеб погиб далеко на севере, в странах чуди заволоцкой; Олег ушел сначала было в Чернигов, к дяде Всеволоду, от которого мог ждать больше милости, чем от Изяслава; но и Всеволод или не хотел, или не мог наделить Святославича волостью, и тот отправился к братьям в Тмутаракань, известное убежище для всех изгнанников, для всех недовольных. Выгнавши племянников, Ярославичи распорядились волостями в пользу своих детей: Святополка Изяславича посадили в Новгороде, брата его Ярополка – в Вышгороде, Владимира Всеволодовича Мономаха – в Смоленске. Но изгнанные князья не могли жить праздно в Тмутаракани: в 1078 году Олег и Борис привели половцев на Русскую землю и пошли на Всеволода; Всеволод вышел против них на реку Сожицу (Оржицу), и половцы победили Русь, которая потеряла много знатных людей: убит был Иван Жирославич, Туки, Чудинов брат. Порей и многие другие. Олег и Борис вошли в Чернигов, думая, что одолели; Русской земле они тут много зла наделали, говорит летописец. Всеволод пришел в брату Изяславу в Киев и рассказал ему свою беду; Изяслав отвечал ему: «Брат! не тужи, вспомни, что со мною самим случилось! во-первых, разве не выгнали меня и имения моего не разграбили? потом в чем я провинился, а был же выгнан вами, братьями своими? не скитался ли я по чужим землям ограбленный, а зла за собою не знал никакого. И теперь, брат, не станем тужить: будет ли нам часть Русской земле, то обоим, лишимся ли ее, то оба же вместе; я сложу свою голову за тебя». Такими словами он утешил Всеволода и велел собирать войско от мала до велика; другого не оставалось больше ничего делать, потому что Святославичи, конечно, не оставили бы в покое Изяслава, главного врага своего. Изяслав выступил в поход с сыном своим Ярополком, Всеволод – с сыном Владимиром. Последний находился в Смоленске, когда узнал о вторжении изгнанных князей; поспешил на помощь к отцу и оружием проложил себе путь сквозь половецкие полки к Переяславлю, где нашел Всеволода, пришедшего с битвы на Сожице. Ярославичи с сыновьями пошли к Чернигову, жители

которого затворились от них, хотя Олега и Бориса не было в городе; есть известие, что они ездили в Тмутаракань собирать новое войско. Чернигов имел двойные стены; князья приступили к внешней ограде (городу); Мономах отбил восточные ворота, и внешний город был сожжен, после чего жители убежали во внутренний. Но Ярославичи не имели времени приступить к последнему, потому что пришла весть о приближении Олега и Бориса; получивши ее, Изяслав и Всеволод рано утром отошли от Чернигова и отправились навстречу к племянникам, которые советовались, что им делать? Олег говорил Борису: «Нельзя нам стать против четырех князей; пошлем лучше к дядьям с просьбою о мире»; Борис отвечал: «Ты стой – смотри только, я один пойду на них на всех». Пошли и встретились с Ярославичами у села на Нежатине Ниве; полки сошлись, и была сеча злая: во-первых, убили Бориса, сына Вячеслава; Изяслав стоял с пешими полками, как вдруг наехал один из неприятельских воинов и ударил его в плечо копьем: рана была смертельная. Несмотря на убиение двух князей с обеих сторон, битва продолжалась; наконец, Олег побежал и едва мог уйти в Тмутаракань (3 октября 1078 года). Тело Изяслава взяли, привезли в лодке и поставили против Городца, куда навстречу вышел весь город Киев; потом положили тело на сани и повезли; священники и монахи провожали его с пением; но нельзя было слышать пения за плачем и воплем великим, потому что плакал по нем весь город Киев; Ярополк шел за телом и причитал с дружиною: «Батюшка, батюшка! не без печали ты пожил на этом свете; много напасти принял от людей и от своей братьи; и вот теперь погиб не от брата, а за брата сложил голову». Принесли и положили тело в церкви Богородицы, в гробе мраморном. По словам летописца, Изяслав был красив лицом, высок и полон, нравом незлобив, кривду ненавидел, правду любил; лести в нем не было, прямой был человек и не мстительный. Сколько зла сделали ему киевляне! самого выгнали, дом разграбили, а он не заплатил им злом за зло; если же кто скажет: он казнил Всеславовых освободителей, то ведь не он это сделал, а сын его. Потом братья прогнали его, и ходил, блуждал он по чужой земле; а когда сел на своем столе, и Всеволод прибежал к нему побежденный, то Изяслав не сказал ему: «А вы что мне сделали?» и не заплатил злом за зло, а утешил, сказал: «Ты, брат, показал ко мне любовь, ввел меня на стол мой и назвал старшим: так и я теперь не помяну первой злобы: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя», что и случилось; не сказал ему: «Сколько вы мне зла сделали, а вот теперь пришла и твоя очередь», не сказал: «Ступай, куда хочешь», но взял на себя братнюю печаль и показал любовь великую. Смерть за брата, прекрасный пример для враждующих братий, заставил летописца и, может быть, всех современников удивиться над участью Изяслава при господстве непосредственных чувств. Однако и летописец спешит опровергнуть возражение насчет казни виновников Всеслава освобождения и складывает всю вину на сына Изяславова, Мстислава: значит, это возражение существовало в его время; монах Киевопечерского монастыря должен был знать и о последующих гонениях, например на св. Антония; Всеволоду Изяслав простил, потому что и прежде, как видно, этот Ярославич был мало виноват, да и после загладил свою вину; наконец, собственная безопасность принуждала Изяслава вооружиться против племянников; но детям Святославовым, конечно, невинным в деле отца, Изяслав не мог простить и отнял у них волости, себе и Русской земле на беду.

Как бы ни было, первый старший или великий князь после Ярослава пал в усобице. Все усобицы, которые мы видим при старшинстве Изяслава, происходили оттого, что осиротелые племянники не получали волостей. При отсутствии отчинного права относительно отдельных волостей дядья смотрели на осиротелых племянников как на изгоев, обязанных по своему сиротскому положению жить из милости старших, быть довольными всем, что дадут им последние, и потому или не давали им вовсе волостей, или давали такие, какими те не могли быть довольны. Но если дядья считали для себя выгодным отсутствие отчинного права, то не могли находить для себя это выгодным осиротелые племянники, которые, лишась преждевременную смертью отцов надежды на старшинство в роде, хотели по крайней мере достать то, чем владели отцы, или хотя другую, но более или менее значительную волость, чтобы не

быть лишенными Русской земли. Таким образом, мы видим, что первые усобицы на Руси произошли от отсутствия отчинного права в отдельных волостях, от стремления осиротелых князей-изгоев установить это право и от стремления старших не допускать до его установления. Князьям-изгоям легко было доискиваться волостей: Русь граничила со степью, а в степи скитались разноплеменные варварские орды, среди которых легко было набрать войско обещанием добычи; вот почему застепный Тмутаракань служит постоянным убежищем для изгоев, которые возвращаются оттуда с дружинами отыскивать волостей.

Мы видели деятельность изгоя Ростислава, сына Владимирова; у него остались сыновья в том же положении, следовательно, с теми же стремлениями; мы видели судьбу изгоя Бориса Вячеславича; у него, как видно, не было ни братьев, ни сыновей; но были сыновья у Игоря Ярославича – тоже изгой; к числу их Изяслав захотел присоединить еще и детей Святославовых, тогда как последние имели основание не считать себя изгоями: их отец был старшим, умер на главном столе. Если Изяслав мог считать это старшинство незаконным и мстить детям своего гонителя отнятием у них волостей, то Всеволод не имел на это никакого права: Изяслав был изгнан не одним Святославом, но Святославом и Всеволодом вместе; Всеволод признавал изгнание Изяслава справедливым, признавал старшинство Святослава до самой смерти последнего; на каком же основании он мог считать сыновей Святославовых изгоями, лишить их волостей? Несмотря на то, Всеволод, враждуя с Святославичами за недавнее изгнание и пользуясь правом победы, не думал приглашать их в Русь, и тем готовил для себя и для потомков своих новую усобицу.

Всеволод сел в Киеве, на столе отца своего и брата, взял себе все волости русские, посадил сына своего Владимира в Чернигове, а племянника Ярополка Изяславича – во Владимире-Волынском, придав к нему Туров. Но обделенные князья не могли долго оставить его в покое. В 1079 году явился Роман Святославич с половцами у Воина, Всеволод вышел навстречу, стал у Переяславля и успел заключить мир с половцами, разумеется, давши им верное вместо неверного, обещанного Романом. Половцы не только не сделали для Романа того, за чем пришли, но даже убили его на возвратном пути вследствие ссоры, которую завел Роман с их князьями за обман, как говорит одно очень вероятное известие. Впрочем, из последующих известий летописи видно, что виновниками убийства Романова были собственно не половцы, а козары, знак, что Романово ополчение было сбродное из разных народов и что козары после разрушения своего царства существовали еще как особый народ и играли некоторую роль на степных берегах Черного и Азовского морей. Убив Романа, козары и половцы, разумеется, не могли жить в мире с братом его Олегом, и потому, как сказано в летописи, они заточили его за море, в Царьград, откуда его отправили на остров Родос, нет сомнения, что козары и половцы могли сделать это не иначе, как с согласия императора, для которого, вероятно, русские изгой были также опасными соседями: это ясно видно из судьбы Ростиславовой; очень вероятно, что заточение Олега произошло и не без ведома Всеволода, который воспользовался им и послал в Тмутаракань своего посадника Ратибора.

Но Тмутаракань недолго оставалась без изгоев; через год бежали туда из владимирово-волынских волостей сын Игоря Ярославича, Давыд, и сын известного уже нам Ростислава Владимировича, Володарь; они выгнали Ратибора и селя в Тмутаракани; но сидели недолго: чрез год возвратился туда из изгнания Олег, схватил Давыда и Володаря, сел опять в Тмутаракани, перебил козар, которые были советниками на убиение Романа и на его собственное изгнание, а Давыда и Володаря отпустил. Лишенные убежища в Тмутаракани, эти князья должны были думать о других средствах – как бы добыть себе волостей. В 1084 году Ростиславичи, по словам летописи, убежали от Ярополка, следовательно, ясно, что они жили у него во Владимире без волостей; убежали, не сказано куда, потом возвратились с войском и выгнали Ярополка из Владимира. С кем возвратились Ростиславичи, откуда взяли дружину, как могли безземельные князья выгнать Ярополка из его волости? На все эти вопросы не дает

ответа летопись; но и ее краткие известия могут показать нам, как легко было тогда добыть дружину; ясно также, что Ростиславичи не могли выгнать Ярополка, не приобретя себе многочисленных и сильных приверженцев во Владимире. Всеволод послал против Ростиславичей сына своего Мономаха, который прогнал их из Владимира и посадил здесь опять Ярополка. В летописи об этом сказано так, как будто бы все сделалось вдруг; но из собственных слов Мономаха видно, что борьба с Ростиславичами кончилась нескоро, потому что он ходил к Изяславичам за Микулин, в нынешнюю Галицию и потом два раза ходил к Ярополку на Броды, весною и зимою. Счастливее Ростиславичей был Давыд Игоревич: он ушел с своею дружиною в днепровские устья, захватил здесь греческих купцов, отнял у них все товары; но от греческой торговли зависело богатство и значение Киева, следовательно, богатство казны великокняжеской, и вот Всеволод принужден был прекратить грабежи Давыда обещанием дать волость и, точно, назначил ему Дорогобуж на Волыни, Но этим распоряжением Всеволод не прекратил, а еще более усилил княжеские распри: Ярополк Изяславич, князь волынский, в отдале Дорогобужа Давыду видел обиду себе, намерение Всеволода уменьшить его волость, и потому начал злобиться на Всеволода, собирать войско, по наущению злых советников, прибавляет летописец. Узнав об этом, Всеволод послал против него сына своего Владимира, и Ярополк, оставя мать в Луцке, бежал в Польшу. Луцк сдался Мономаху, который захватил здесь мать, жену Ярополкову, дружину его и все имение, а во Владимире посадил Давыда Игоревича. Вероятно, в это время Червенские города, область последующего Галицкого княжества, были утверждены за Ростиславичами, потому что после мы видим старшего из них – Рюрика князем в Перемышле; очень вероятно также, что эта область была отнята Ростиславичами у поляков, союзников Ярополковых, не без согласия Всеволода. Но в следующем году Ярополк пришел из Польши, заключил мир с Мономахом и сел опять в Владимире; вероятно, такому обороту дел много содействовала прежняя дружба Мономаха к Ярополку, благодарность старого Всеволода к отцу его, Изяславу, и нежелание ссориться с сыновьями последнего, из которых старший должен был получить старшинство по смерти Всеволодовой. Ярополк, однако, недолго пользовался возвращенною волостию: посидев несколько дней во Владимире, он поехал в Звенигород, один из городов галицких; когда князь дорогою лежал на возу, то какой-то Нерадец, как видно, находившийся в дружине и ехавший подле на лошади, ударил его саблею; Ярополк приподнялся, вынул из себя саблю и громко закричал: «Ох, этот враг меня покончил!» Нерадец бежал в Перемышль к Рюрику Ростиславичу, а Ярополк умер от раны; отроки взяли его тело и повезли сперва во Владимир, а потом в Киев, где и погребли его в церкви св. Петра, которую сам начал строить. В Киеве сильно плакали на похоронах Ярополка; летописец также жалеет об этом князе, говорит, что он много принял бед, без вины был изгнан братьями, обижен, разграблен и, наконец, принял горькую смерть; был он, по словам летописца, тих, кроток, смирен, братолюбив, давал каждый год десятину в Богородичную киевскую церковь от всего своего имения и просил у бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глеба; бог услышал его молитву, заключает летописец. О причине убийства летописец говорит глухо: Нерадец, по его словам, убил Ярополка, будучи научен от дьявола и от злых людей; вспомним сказанное нами прежде, что Ростиславичи могли овладеть Владимиром только с помощью приверженцев своих, следовательно, людей неприязненных Ярополку; люди, желавшие прежде его изгнания, теперь не могли охотно видеть его восстановление. Но убийца бежал к Ростиславичу в Перемышль: это одно обстоятельство могло заставить современников сильно заподозрить Ростиславичей, если они и не были совершенно убеждены в действительном участии последних в деле Нерадца; после Давыд Игоревич прямо говорил, что Ярополк был убит Ростиславичами. С первого разу кажется, что Ростиславичи или один из них, Рюрик, не имели достаточного основания решиться на подобное дело; скорее, казалось бы, можно было заподозрить Давыда Игоревича, и по характеру последнего, да и потому, что он больше всех терял с восстановлением Ярополка на владимирском столе. Но об участии Давыда нет ни малейшего намека в

летописи, сам Давыд после, говоря Святополку об убийении брата его, не мог выдумать об участии Ростиславичей и объявить об этом Святополку за новость; если бы современники подозревали Давыда, то и летописец сам, и Святополк Изяславич, и киевляне на вече, и князья на съезде не преминули бы упомянуть об этом по случаю злодейства Давыдова над Васильком. Если летописец не указывает прямо на Ростиславичей то это доказывает, что у современников не было достаточных улик против них; но не без намерения летописец выставляет бегство Нерадца к Рюрику в Перемышль. Что касается до побуждений, то мы не знаем подробностей: знаем только то, что Ростиславичи жили у Ярополка, приобрели средства выгнать его из Владимира, но потом сами были выгнаны в его пользу; здесь очень легко могло быть положено начало смертельной вражды; Ростиславичи могли думать, что никогда не будут безопасны в своей волости, тюка враг их будет сидеть во Владимире; обратим внимание еще на одно обстоятельство: посидевши мало времени во Владимире, Ярополк отправился к Звенигороду; мы не знаем, зачем предпринял он это путешествие? мы не знаем еще, кому принадлежал в это время Звенигород? очень вероятно, что Ростиславичам; очень вероятно, что выражение летописца: «Иде Звенигороду», означает поход воинский. Наконец, что касается до характера Рюрика Ростиславича, то мы знаем об нем только то, что он выгнал Ярополка из Владимира и потом принял к себе его убийцу: эти два поступка нисколько не ручаются нам за его нравственность.

В том же 1046 году Всеволод сам предпринимал поход к Перемышлю на Ростиславичей, и поход этот не мог быть без связи с предшествовавшими событиями. Но с Ростиславичами, как видно из последующих событий, трудно было воевать: поход кончился ничем, потому что Ростиславичи остались по-прежнему в своей волости. Так кончились пока смуты на Волыни; но, кроме этих смут и борьбы на востоке с Святославичами, шла еще борьба со Всеславом полоцким. По принятии Всеволодом старшинства Всеслав обжег Смоленск, т. е. пожег посады около крепости или города; Мономах из Чернигова погнался за ним наспех о *двух конях* (т. е. дружина взяла с собою по паре коней для перемены); но чародея Всеслава трудно было настигнуть: Мономах не застал его под Смоленском и пошел по его следам в Полоцкую волость, повоевал и пожег землю. Потом в другой раз пошел Мономах с черниговцами и половцами к Минску, нечаянно напал на город и не оставил у него ни челядина, ни скотины, по его собственному выражению, В 1093 году умер последний из Ярославичей, Всеволод, 64 лет. Летописец говорит, что этот князь был измлада боголюбив, любил правду, был милостив к нищим, чтил епископов и священников, но особенно любил монахов, давал им все потребное; был также воздержан и за то любим отцом своим. Летописец прибавляет, что в Киеве Всеволоду было гораздо больше хлопот, чем в Переяславле; хлопотал он все с племянниками, которые просили волостей: один просил той, другой этой, он все их мирил и раздавал волости. К этим заботам присоединились болезни, старость, и стал он любить молодых, советоваться с ними, а молодые старались отдалять его от прежней, старой дружины; до людей перестала доходить княжая правда, тиуны начала грабить, брать несправедливо пени при суде; а Всеволод ничего этого не знал в своих болезнях. Нам нет нужды разуместь здесь под *молодыми* именно молодых летам; трудно предположить, что Всеволод на старости лет покинул своих ровесников и окружил себя юношами; если обратить внимание на последующие явления, то можем легче объяснить смысл слов летописца: под *молодыми* людьми разумеются у него люди новые; новая дружина, приведенная из Переяславля и Чернигова противопоставляется дружине *первой*: князья, перемещаясь из одной волости в другую, с младшего стола на старший, приводили с собою свою дружину, которую, разумеется, предпочитали дружине, найденной в новом княжестве, оставшейся после прежнего князя; отсюда проистекала невыгода, во-первых, для народа, потому что пришельцы не соблюдали выгод чуждой для них области и старались наживаться на счет граждан; во-вторых, для старых бояр, которых пришельцы отстраняли от важных должностей, от княжеского расположения, *заезжали* их, по местническому позднейшему выражению. Каково было грабительство тиунов княжеских при Всеволоде, свидетельствуют слова лучших киевлян, что земля

их оскудела от рати и от *продаж*. Так сошло с поприща первое поколение Ярославичей; при первом уже из них начались усобицы вследствие изгнания осиротелых племянников; при первом уже из них был нарушен порядок преемства, и это нарушение увеличило число изгоев и, следовательно, усилило усобицы, жертвою которых пало три князя; переходы князей из волости в волость вследствие родовых счетов показали уже народу всю невыгоду такого порядка вещей, особенно в княжение Всеволода, когда новые дружинники разорили Киевскую землю, земля разорялась также ратью, набеги степных варваров не прекращались, и в челе половцев народ видел русских князей, приходивших искать волостей в Русской земле, которую безнаказанно пустошили их союзники; начались те времена, когда по земле сеялись и росли усобицы, и в княжих крамолах сокращался век людской, когда в Русской земле редко слышались крики земледельцев, но часто каркали вороны, деля себе трупы, часто говорили свою речь галки, собираясь лететь на добычу.

Из внешних отношений на первом плане, как прежде, так и теперь, была борьба с степными варварами, из которых главное место занимали половцы. Мы упоминали о войнах с ними по поводу княжеских усобиц. Но, кроме того, они часто набегали и без всякого повода. В удачных битвах с этими варварами за Русскую землю начал славиться и приобретать народную любовь сын Всеволода, знаменитый Мономах: 12 удачных битв выдержал он с половцами в одно княжение отца своего; если половцы помогали русским князьям в их усобицах, зато и Мономах иногда ходил на варваров, ведя с собою варваров же из других племен. Мы видели, что Ярославичи, свободные еще от усобиц, нанесли сильное поражение торкам, заставили часть их поселиться в пределах Руси и признать свою зависимость от нее; но в 1080 году торки, поселенные около Переяславля и потому названные в летописи переяславскими, вздумали возвратить себе независимость и заратились; Всеволод послал на них сына своего Мономаха, и тот победил торков. На севере шла борьба с финскими и литовскими племенами. К первым годам княжения Изяслава относится победа его над голядами; следовательно, народонаселение нынешнего Можайского и Гжатского уездов не было еще подчинено до этого времени, и неудивительно: оно оставалось в стороне от главных путей, по которым распространялись русские владения. В 1055 году посадник Остромир ходил с новгородцами на чудь и овладел там городом Осек Декипив, т. е. Солнечная рука; в 1060 году сам Изяслав ходил на сосолов и заставил их платить дань; но скоро они выгнали русских сборщиков дани, пожгли город Юрьев и окольные селения до самого Пскова: псковичи и новгородцы вышли к ним навстречу, сразились и потеряли 1000 человек, а сосолов пало бесчисленное множество. На северо-востоке было враждебное столкновение с болгарями, которые в 1088 году взяли Муром.

На западе Ростиславичи боролись с поляками: особенно в этой борьбе стал знаменит третий брат – Василько. Мы видели что Болеслав II Смелый, пользуясь смутами в империи, умел восстановить прежнее значение Польши, которое потеряла она по смерти Болеслава I Храброго; но, будучи счастлив в борьбе со внешними врагами, Болеслав Смелый не мог осилить внутренних: принятие королевского титула, стремление усилить свою власть на счет панов, строгие поступки с ними, умерщвление краковского епископа Станислава возбудили ненависть панов и духовенства, следствием чего было изгнание Болеслава Смелого и возведение на престол брата его, слабого Владислава – Германа. Владислав вверился во всем палатину Сецеху, который корыстолюбием и насильственными поступками возбудил всеобщее негодование. Недовольные встали под предводительством побочного сына Владислава, Збигнева; в эту усобицу вмешались чехи, а, с другой стороны, Владислав должен был вести упорную борьбу с поморскими славянами. Легко понять, что при таких обстоятельствах Польша не только не могла обнаружить своего влияния на дела Руси, но даже не могла с успехом бороться против Василька Ростиславича, который с половцами пустошил ее области.

Мы рассмотрели внутреннее и внешнее отношения на Руси при первом поколении Ярославичей, видели деятельность князей; в заключение обратим внимание на других деятелей, на

мужей из дружины княжеской, имена которых кое-где попадаются в летописи. Прежде всего мы встречаем имя Остромира, посадника новгородского; сын его Вышата убежал с Ростиславом Владимировичем в Тмутаракань; об нем больше нет известий. Но вместе с Вышатою спутником Ростислава назван также какой-то Порей; Порей был убит на Сожице против половцев в 1078 году; если это тот самый Порей, то значит, что по смерти Ростислава он перешел в дружину Всеволода, Мы видели, что в 1067 году в Киеве при Изяславе был тысяцким Коснячко, вероятно, бежавший вместе с Изяславом; этот же Коснячко был с Изяславом при установлении Правды; со стороны Святослава из Чернигова был при этом деле Перенег, со стороны Всеволода из Переяславля – Никифор; если Коснячко был тысяцким в Киеве, то можем заключить, что Перенег имел в то время такую же должность в Чернигове, Никифор – в Переяславле; если так, то любопытно, что для установления Правды собираются тысяцкие, имевшие близкое отношение к городскому народонаселению. Не знаем, кто был тысяцким в Киеве после первого возвращения Изяслава, при Святославе, и после второго возвращения Изяслава; но при Всеволоде (в 1089 г.) эту должность занимали Ян, сын Вышаты, знаменитого тысяцкого во времена Ярослава: как видно, этот же самый Ян ходил при Святославе за данью на север. Потом мы встречаем в летописи имена двух братьев *Чудина* и *Туки*: имена указывают на финское происхождение; Чудин после первого возвращения Изяславова держал Вышгород (1072 г.): Туки является действующим во время первого изгнания Изяславова; он советовал Изяславу стеречь крепче Всеслава; из этого видно, как будто он принадлежал к дружине киевского князя; но потом, после второго возвращения Изяславова, мы видим его в дружине Всеволода: он выходит вместе с этим князем против половцев и погибает в битве при Сожице, значит, он перешел из дружины Изяслава в дружину Всеволода; впрочем, могло быть, что он явился действующим лицом в означенном киевском событии, принадлежа к дружине Всеволода, который прибежал в Киев с поля битвы вместе с Изяславом; в таком случае любопытно, что один брат служил Изяславу а другой – Всеволоду. В битве при Сожице был убит еще Иван Жирославич, также муж из дружины Всеволода. При последнем, во время княжения его в Киеве, видим Ратибора, которого он назначил посадником в Тмутаракань К чьей дружине принадлежал Берн, упоминаемый при перенесении мощей св. Бориса и Глеба, трудно решить: вероятно, к дружине Святослава черниговского.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОБЫТИЯ ПРИ ВНУКАХ ЯРОСЛАВА I (1093-1125)

Прежние причины усобиц. – Характер Владимира Мономаха. – Он уступает старшинство Святополку Изяславичу. – Характер последнего. – Нашествие половцев. – Олег Святославич в Чернигове. – Борьба с ним Святополка и Владимира. – Неудача Олега на севере. – Послание Мономаха к Олегу. – Съезд князей в Любече и прекращение борьбы на востоке. – Новая усобица на западе вследствие ослепления Василька Ростиславича. – Прекращение ее на Витичевском съезде. – Распоряжение насчет Новгорода Великого. – Судьба Ярослава Ярополковича, племянника великого князя. – События в Полоцком княжестве. – Войны с половцами. – Борьба с другими соседними варварами. – Связь с Венгрией. – Смерть великого князя Святополка. – Киевляне избирают Мономаха в князья себе. – Война с минским князем Глебом и с вольнским Ярославом. – Отношение к грекам и половцам. – Смерть Мономаха. – Дружина при внуках Ярослава I.

Не прошло полвека по смерти Ярослава Старого, как уже первое поколение в потомстве его сменилось вторым, сыновья – внуками. Мы видели начало усобиц при первом поколении, видели их причины в стремлении осиротелых князей добыть себе часть в Русской земле, которой не давали им дядья; усобицы усилились, когда Изяслав был изгнан братьями, когда, возвратившись по смерти Святослава, он отнял прежние волости у сыновей последнего, которые должны были искать убежища в отдаленной Тмутаракани и, если верить некоторым известиям, в Муроме. С выступлением на поприще внуков Ярославовых причины усобиц оставались прежние, и потому должно было ожидать тех же самых явлений, какими ознаменовано и правление сыновей Ярославовых.

Владимир Мономах с братом Ростиславом были в Киеве во время смерти и погребения отца своего; летописец говорит, что Мономах начал размышлять: «Если сяду на столе отца своего, то будет у меня война с Святополком, потому что этот стол был прежде отца его», и, размыслив, послал за Святополком в Туров, сам пошел в Чернигов, а брат его Ростислав – в Переяславль. Если Мономах единственным препятствием к занятию киевского стола считал старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что он не видал никаких других препятствий, именно не предполагал препятствия со стороны граждан киевских, был уверен в их желании иметь его своим князем. Нет сомнения, что уже и тогда Мономах успел приобрести народную любовь, которою он так славен в нашей древней истории. Мономах вовсе не принадлежит к тем историческим деятелям, которые смотрят вперед, разрушают старое, удовлетворяют новым потребностям общества: это было лицо с характером чисто охранительным. Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворять его общественным потребностям. Общество, взволнованное княжескими усобицами, столько потерпевшее от них, требовало прежде всего от князя, чтобы он свято исполнял свои родственные обязанности, не *каторовался* (не спорил) с братьею, мирил враждебных родичей, вносил умными советами наряд в семью; и вот Мономах во время злой вражды между братьями умел заслужить название братолюбца. Для людей благочестивых Мономах был образцом благочестия: по свидетельству современников, все дивились, как он исполнял обязанности, требуемые церковью. Для сдержания главного зла – усобиц нужно было, чтобы князья соблюдали клятву, данную друг другу: Мономах ни под каким предлогом не соглашался переступить крестного целования. Народ испытал уже при других князьях

бедствие от того, что людям не доходила княжая правда, тиуны и отроки грабили без ведома князя: Мономах не давал сильным обижать ни худого смерда, ни убогой вдовицы, сам *оправливал* (давал правду, суд) людей. При грубости тогдашних нравов люди сильные не любили сдерживать своего гнева, причем подвергнувшийся ему платил жизнью; Мономах наказывал детям своим, чтобы они не убивали ни правого, ни виноватого, не губили душ христианских. Другие князья позволяли себе невоздержание: Мономах отличался целомудрием. Обществу сильно не нравилось в князе корыстолюбие; с неудовольствием видели, что внуки и правнуки св. Владимира отступают от правил этого князя, копят богатство, собирая его с тягостию для народа; Мономах и в этом отношении был образцом добрых князей: с ранней молодости рука его простиралась ко всем, по свидетельству современников; никогда не прятал он сокровищ, никогда не считал он денег, но раздавал их обеими руками; а между тем казна его была всегда полна, потому что при щедрости он был образцом доброго хозяина, не смотрел на служителей, сам держал весь наряд в доме. Больше всех современных князей Мономах напоминал прадеда своего, *ласкового* князя Владимира: «Если поедете куда по своим землям (наказывает Мономах детям), не давайте отрокам обижать народ ни в селах, ни на поле, чтоб вас потом не кляли. Куда пойдете, где станете, напоите, накормите бедняка; больше всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, добрый или простой человек или посол; не можете одарить его, угостите хорошенько, напоите, накормите: гость по всем землям прославляет человека либо добрым, либо злым». Что детям наказывал, то и сам делал: позвавши гостей, сам служил им, и когда они ели и пили досыта, он только смотрел на них. Кроме усобиц княжеских, земля терпела от беспрестанных нападений половцев; Мономах с ранней молодости стоял на стороже Русской земли, бился за нее с погаными, приобрел имя доброго страдальца (труженика) за Русскую землю по преимуществу. В тот век народной юности богатырские подвиги Мономаха, его изумительная деятельность не могли не возбудить сильного сочувствия, особенно когда эти подвиги совершались на пользу земле. Большую часть жизни провел он вне дома, большую часть ночей проспал на сырой земле; одних дальних путешествий совершил он 83; дома и в дороге, на войне и на охоте делал все сам, не давал себе покою ни ночью, ни днем, ни в холод, ни в жар; до света поднимался он с постели, ходил к обедне, потом думал с дружиною, *оправливал* (судил) людей, ездил на охоту, или так куда-нибудь, в полдень ложился спать и потом снова начинал ту же деятельность. Дитя своего века, Мономах, сколько любил пробовать свою богатырскую силу на половцах, столько же любил пробовать ее и на диких зверях, был страстный охотник: диких коней в пущах вязал живых своими руками; тур не раз метал его на рога, олень бодал, лось топтала ногами, вепрь на боку меч оторвал, медведь кусал, волк сваливал вместе с лошадыю. «Не бегал я для сохранения живота своего, не щадил головы своей, – говорит он сам. – Дети! не бойтесь ни рати, ни зверя, делайте мужское дело; ничто не может вам вредить, если бог не повелит; а от бога будет смерть, так ни отец, ни мать, ни братья не отнимут; божье блюдение лучше человеческого!» Но с этою отвагою, удалью, ненасытною жаждою деятельности в Мономахе соединялся здравый смысл, сметливость, умение смотреть на следствие дела, извлекать пользу; из всего можно заметить, что он был сын доброго Всеволода и вместе сын царевны греческой. Из родичей Мономаха были и другие не менее храбрые князья, не менее деятельные, как, например, чародей Всеслав полоцкий. Роман и Олег Святославичи; но храбрость, деятельность Мономаха всегда совпадала с пользою для Русской земли; народ привык к этому явлению, привык верить в доблести, благоразумие, благонамеренность Мономаха, привык считать себя спокойным за его щитом и потому питал к нему сильную привязанность, которую перенес и на все его потомство. Наконец, после личных доблестей не без влияния на уважение к Мономаху было и то, что он происходил по матери от царской крови; особенно, как видно, это было важно для митрополитов-греков и вообще для духовенства.

Киевляне должны были желать, чтоб Мономах занял отцовское место; они могли желать этого тем более, что Мономах был им хорошо известен и известен с самой лучшей стороны,

тогда как Святополк Изяславич жил постоянно на отдаленном севере и только недавно, по смерти брата своего Ярополка, перешел из Новгорода в Туров, без сомнения, для того, чтобы быть поближе к Киеву на случай скорой смерти Всеволода. Но мы видели причины, которые заставляли Мономаха отказаться от старшего стола: он опасался, что Святополк не откажется от своих прав и будет доискиваться их оружием; Мономах должен был хорошо знать, к чему ведут подобные нарушения прав; должен был также опасаться, что если Святополк будет грозить ему с запада, то с востока Святославичи также не оставят его в покое. Киевляне не могли не уважать основание, на котором Владимир отрекся от их стола, не могли не сочувствовать уважению к старшинству и притом не имели права отвергать Святополка, потому что еще не знали его характера; и когда он явился из Турова в Киев по приглашению Мономаха, то граждане вышли к нему с поклоном и приняли его с радостью. Но радость их не могла быть продолжительна: характер сына Изяслава представлял разительную противоположность с характером сына Всеволодова: Святополк был жесток, корыстолюбив и властолюбив без ума и твердости; Сыновья его были похожи на отца. Киевляне немедленно испытали неспособность своего нового князя. В это время пошли половцы на Русскую землю; услышавши, что Всеволод умер, они отправили послов к Святополку с предложением мира, т. е. с предложением купить у них мир: Мономах говорит детям, что он в свою жизнь заключил с половцами девятнадцать миров, причем передавал им много своего скота и платья. Святополк, по словам летописца, посоветовался при этом случае не с большою дружиною отца и дяди своего, т. е. не с боярами киевскими, но с теми, которые пришли с ним, т. е. с дружиною, которую он привел из Турова или, вероятнее, из Новгорода; мы видим здесь, следовательно, опять ясную жалобу на заезд старых бояр пришлою дружиною нового князя, явление необходимое при отсутствии отчинности, наследственности волостей; по совету своей дружины Святополк велел посадить половецких послов в тюрьму: или жалели скота и платья на покупку мира, или стыдились начать новое княжение этою покупкою. Половцы, услышавши о заключении послов своих, стали воевать, пришло их много, и обступили торческий город, т. е. город, заселенный торками. Святополк испугался, захотел мира, отпустил половецких послов; но уже теперь сами половцы не хотели мира и продолжали воевать. Тогда Святополк начал собирать войско; умные люди говорили ему: «Не выходи к ним, мало у тебя войска»; он отвечал: «У меня 800 своих отроков могут против них стать»; несмысленные подстрекали его: «Ступай князь!», а смышленные говорили: «Хотя бы ты пристроил и восемь тысяч, так и то было бы только впору; наша земля оскудела от рати и от продаж: пошли-ка лучше к брату своему Владимиру, чтоб помог тебе». Святополк послушался и послал к Владимиру; тот собрал войско свое, послал и к брату Ростиславу в Переяславль, веля ему помогать Святополку, а сам пошел в Киев. Здесь, в Михайловском монастыре, свиделся он с Святополком и начались у них друг с другом распри да которы; смышленные мужи говорили им: «Что вы тут спорите, а поганые губят Русскую землю; после уладитесь, а теперь ступайте против поганых либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк хотел рати; наконец, уладились, поцеловали крест и пошли втроем – Святополк, Владимир и Ростислав – к Треполю. Когда они пришли к реке Стугне, то, прежде чем переходить ее, созвали дружину на совет и начали думать. Владимир говорил: «Враг грозен; остановимся здесь и будем с ним мириться». К совету этому пристали смышленные мужи – Ян и другие; но киевляне говорили: «Хотим биться, пойдем на ту сторону реки». Они осилили и рать перешла реку, которая тогда сильно наводнилась. Святополк, Владимир и Ростислав, исполчивши дружину, пошли: на правой стороне шел Святополк, на левой – Владимир, по середине – Ростислав; минули Треполь, прошли и вал, и вот показались половцы с стрельцами впереди. Наши стали между двумя валами, поставили стяги (знамена) и пустили стрельцов своих вперед из валов; а половцы подошли к валу, поставили также стяги свои, налегли прежде всего на Святополка и сломили отряд его. Святополк стоял крепко; но когда побежали люди, то побежал и он. Потом половцы наступили на Владимира; была у них брань лютая; наконец,

побежал и Владимир с Ростиславом; прибежав к реке Стугне, стали переправляться вброд, и при этой переправе Ростислав утонул перед глазами брата, который хотел было подхватить его, но едва сам не утонул; потерявши брата и почти всю дружину, печальный Владимир пришел в Чернигов, а Святополк сперва вбежал в Треполь, затворился, пробыл тут до вечера и ночью пришел в Киев. Половцы, видя, что одолели, пустились воевать по всей земле, а другие возвратились к торческому городу. Торки противились, боролись крепко из города, убили много половцев; но те не переставали налегать, отнимали воду, и начали изнемогать люди в городе от голода и жажды; тогда торки послали сказать Святополку: «Если не пришьешь хлеба, то сдадимся»; Святополк послал; но обозу нельзя было прокрасться в город от половцев. Девять недель стояли они под Торческом, наконец, разделились: одни остались продолжать осаду, а другие пошли к Киеву; Святополк вышел против них на реку Желань; полки сошлись, и опять русские побежали; здесь погибло их еще больше, чем у Треполя; Святополк пришел в Киев сам-третьей только, а половцы возвратились к Торческу. Лукавые сыны Измайловы, говорит летописец, жгли села и гумна и много церквей запалили огнем; жителей били, оставшихся в живых мучили, уводили в плен; города и села опустели; на полях, где прежде паслись стада коней, овец и волов, теперь все стало пусто, нивы поросли: на них живут звери. Когда половцы с победою возвратились к Торческу, то жители, изнемогши от голода, сдались им. Половцы, взявши город, запалили его, а жителей, разделивши, повели в вежи к *сердоболям* и сродникам своим, по выражению летописца. Печальные, изнуренные голодом и жаждою, с осунувшимися лицами, почерневшим телом, нагие, босые, исколотые терновником, шли русские пленники в степи, со слезами рассказывая друг другу, откуда кто родом – из какого города или из какой веси.

Святополк, видя, что нельзя ничего взять силою, помирился с половцами, разумеется, заплативши им сколько хотели, и женился на дочери хана их Тугоркана. Но в том же 1094 году половцы явились опять, и на этот раз ими предводительствовал Олег Святославович из Тмутаракани: жестокое поражение, потерпенное двоюродными братьями в прошлом году от половцев, дало Олегу надежду получить не только часть в Русской земле, но и все отцовские волости, на которые он с братьями имел полное право: внуки Ярослава находились теперь друг к другу по роду и, следовательно, по волостям точно в таком же отношении, в каком находились прежде сыновья, а считать себя изгоем Олег не хотел. Он пришел к Чернигову, где осадил Мономаха в остроге; окрестности города, монастыри были выжжены; восемь дней билась с половцами дружина Мономахова и не пустила их в острог; наконец, Мономах пожалел христианской крови, горящих сел, монастырей, сказал: «Не хвалиться поганым», и отдал Олегу Чернигов, стол отца его, а сам пошел на стол своего отца, в Переяславль. Так описывает сам Мономах свои побуждения; нам трудно решить, на сколько присоединялся к ним еще расчет на невозможность долгого сопротивления с маленькою дружиною, в которой по выезде его из Чернигова не было и ста человек, считая вместе с женами и детьми; мы видели, что большую часть дружины потерял он в битве при Стугне, где пали все его бояре; попавшихся в плен он после выкупил, но их было, как видно, очень мало. С этою-то небольшою дружиною ехал Мономах из Чернигова в Переяславль через полки половецкие; варвары облизывались на них, как волки, говорит сам Мономах, но напасть не смели. Олег сел в Чернигове, а половцы пустошили окрестную страну: князь не противился, он сам велел им воевать, ибо другим нечем ему было заплатить союзникам, доставившим ему отцовскую волость. «Это уже в третий раз, говорит летописец, навел он поганых на Русскую землю; прости, господи, ему этот грех, потому что много христиан было погублено, а другие взяты в плен и расточены по разным землям». На Руси Олегу этого не простили, и сколько любили Мономаха как доброго страдальца за Русскую землю, защищавшего ее от поганых, столько же не любили Олега, опустошавшего ее с половцами; видели гибельные следствия войн Олеговых, забыли обиду ему нанесенную, забыли, что

он принужден был сам добывать себе отцовское место, на которое не пускали его двоюродные братья.

Незавидно было житье Мономаха в Переяславле: «Три лета и три зимы, говорит он, прожил я в Переяславле с дружиною, и много бед натерпелись мы от рати и от голода». Половцы не переставали нападать на Переяславскую волость, и без того уже разоренную; Мономаху удалось раз побить их и взять пленников. В 1095 году пришли к нему два половецких хана, Итларь и Китан, на мир, т. е. торговаться, много ли переяславский князь даст за этот мир? Итларь с лучшими людьми вошел в город, а Китан стал с войском между валами, и Владимир отдал ему сына своего Святослава в заложники за безопасность Итларя, который стоял в доме боярина Ратибора. В это время пришел к Владимиру из Киева от Святополка боярин Славата за каким-то делом; Славата подучил Ратибора и его родню пойти к Мономаху и убедить его согласиться на убийство Итларя. Владимир отвечал им: «Как могу я это сделать, давши им клятву?» Те сказали ему на это: «Князь не будет на тебе греха: половцы всегда дают тебе клятву, и все губят Русскую землю, льют кровь христианскую». Владимир послушался и ночью послал отряд дружины и торков к валам: они выкрали сперва Святослава, а потом перебили Китана и всю дружину его. Это было в субботу вечером; Итларь ночевал на дворе Ратиборовом и не знал, что сделалось с Китаном. На другой день, в воскресенье, рано утром Ратибор приготовил вооруженных отроков и велел им вытопить избу, а Владимир прислал отрока своего сказать Итларю и дружине его: «Обувшись и позавтракавши в теплой избе у Ратибора, приезжайте ко мне». Итларь отвечал: «Хорошо!» Половцы вошли в избу и были там заперты; а между тем ратиборовцы влезли на крышку, проломали ее, и Ольбег Ратиборович, натянув лук, ударил Итларя стрелою прямо в сердце; перестреляли и всю дружину его. Тогда Святополк и Владимир послали в Чернигов к Олегу звать его с собою вместе на половцев; Олег обещался идти с ними и пошел, но не вместе: ясно было, что он не доверял им; быть может, поступок с Итларем был одною из причин этого недоверия. Святополк и Владимир пошли к половцам на вежи, взяли их, попленили скот, лошадей, верблюдов, рабов и привели их в свою землю. Недоверие Олега сильно рассердило двоюродных братьев; после похода они послали сказать ему: «ты не шел с нами на поганых, которые сгубили Русскую землю, а вот теперь у тебя сын Итларев; убей его, либо отдай нам: он враг Русской земле». Олег не послушался, и встала между ними ненависть. Вероятно, в связи с этими событиями было движение на севере брата Олега, Давыда, о котором до сих пор дошедшие до нас списки летописи ничего не говорили; только в своде летописей Татищева читаем, что остальные Святославичи при Всеволоде имели волость в Муроме – известие очень вероятное; по смерти же Всеволода, как видно, Мономах принужден был отречься не от одного Чернигова в пользу Олега, но должен был уступить также и Смоленск Давыду. В конце 1095 года, когда загорелась снова вражда между Олегом и братьями его, Святополком и Владимиром, последние отправились к Смоленску, вывели оттуда Давыда и дали ему Новгород, откуда сын Мономаха, Мстислав, посаженный дедом Всеволодом еще по удалении Святополка, был переведен в Ростов: вероятно, они не хотели, чтобы волости Святославичей соприкасались друг с другом, причем братья могли легко действовать соединенными силами; в Смоленской волости, которая должна была разделять волости Святославичей, Святополк и Владимир должны были посадить кого-нибудь из своих, и вот есть известие, что Владимир посадил здесь сына своего Изяслава. Но Давыд, может быть, по соглашению с братом, недолго жил в Новгороде и отправился опять в Смоленск, впрочем, как видно, с тем, чтобы оставить и Новгород за собою же, потому что когда новгородцы в его отсутствие послали в Ростов за Мстиславом Владимировичем и посадили его у себя, то Давыд немедленно выступил опять из Смоленска к Новгороду; но на этот раз новгородцы послали сказать ему: «Не ходи к нам», и он принужден был возвратиться с дороги опять в Смоленск. Изгнанный им отсюда Изяслав бросился на волости Святославичей, сперва на Курск, а потом на Муром, где схватил посадника Олега и утвердился с согласия граждан. В следующем, 1096, году Святополк и

Владимир послали сказать Олегу: «Приезжай в Киев, урядимся о Русской земле пред епископами, игуменами, мужами отцов наших и людьми городскими, чтобы после нам можно было сообща оборонять Русскую землю от поганых». Олег велел отвечать: «Не пойду на суд к епископам, игуменам да смердам». Если прежде он боялся идти в поход вместе с братьями, то могли он решиться ехать в Киев, где знал, что духовенство, дружина и граждане дурно расположены к нему? Мог ли он отдать свое дело на их решение? Притом князь, который привык полагаться во всем на один свой меч, им доставать себе управу, считал унижительным идти на суд пред духовенство и простых людей. Как бы то ни было, гордый ответ Олега возбудил к нему еще сильнейшее нерасположение в Киеве: летописец сильно укоряет черниговского князя за смысл буйный. за слова величавые, укоряет и злых советников Олега. Святополк и Владимир послали после этого объявить ему войну. «Ты нейдешь с нами на поганых, велели они сказать ему, нейдешь к нам на совет – значит, мыслишь на нас недоброе и поганым помогать хочешь; пусть же бог рассудит нас!» Князья выступили против Олега к Чернигову; Святославич выбежал пред ними и заперся в Стародубе, вероятно, для того, чтобы быть ближе к братним волостями получить оттуда скорее помощь. Святополк и Владимир осадили Стародуб и стояли под ним 33 дня; приступы были сильные, но из города крепко отбивались; наконец, осажденные изнемогли: Олег вышел из города, запросил мира и получил его от братьев, которые сказали ему: «Ступай к брату своему Давыду, и приезжайте оба вместе в Киев, к столу отцов и дедов наших: то старший город во всей земле, в нем следует собираться нам и улаживаться». Олег обещался приехать, целовал крест и отправился из Стародуба в Смоленск; но смольняне не захотели принять его, и он принужден был ехать в Рязань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.